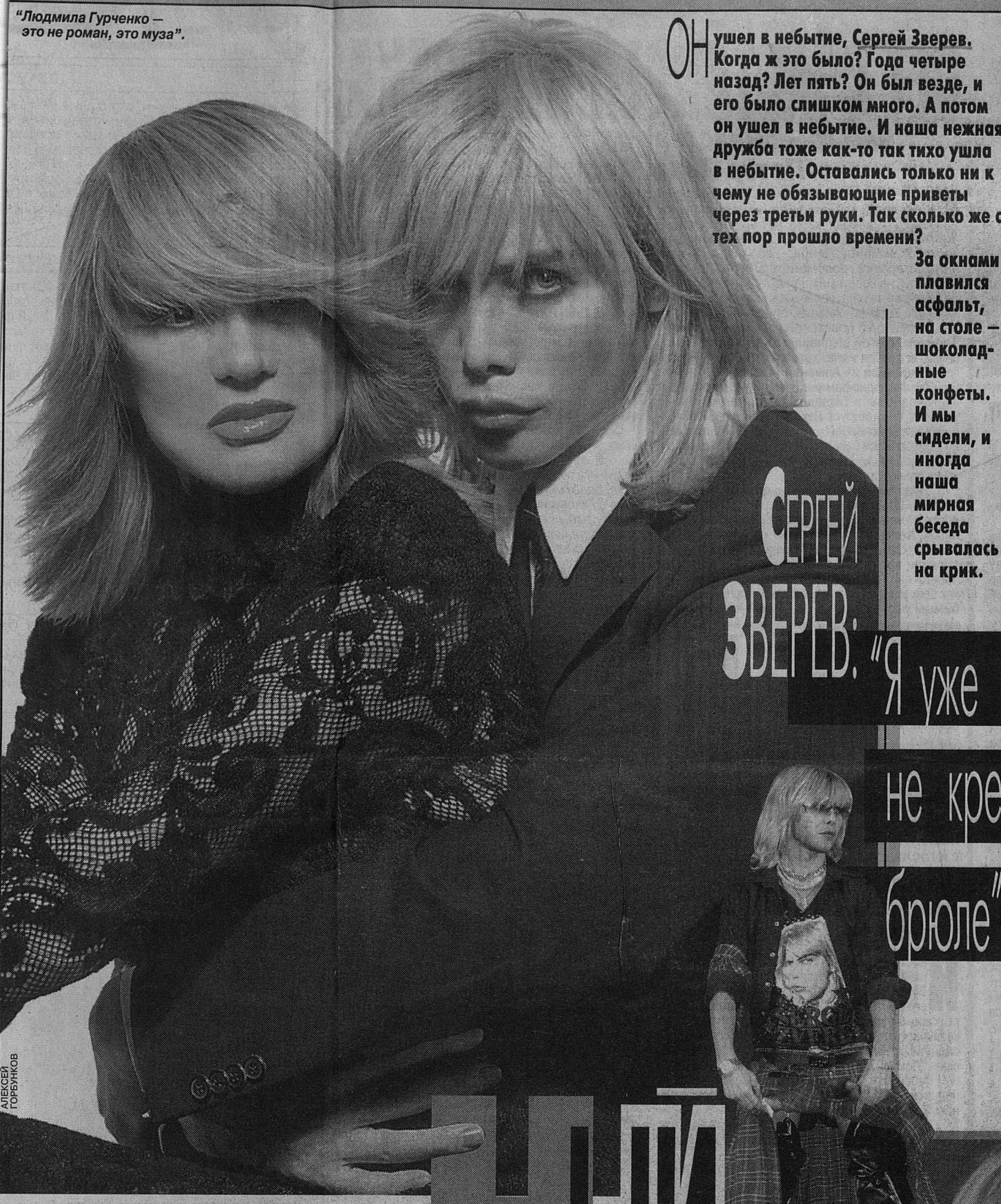

"Людмила Гурченко — это не роман, это муза".

СЕРГЕЙ
ЗВЕРЕВ: "Я уже

За окнами
плавился
асфальт,
на столе —
шоколадные
конфеты.
И мы сидели, и
иногда наша
мирная беседа
срывалась
на крик.

не крем-
брюле"

ПОТЕРЯНЫ

— Как так получилось, что ты исчез сразу и отовсюду? С тех пор только и слышу: "Ах, Зверев?.. Да он в полной заднице". Это правда, Сереж?

— Ха-ха-ха! А всегда говорят плохо о тех, у кого все хорошо. Я только что открыл салон — а ведь чтобы его открыть, нужно было три года работать, зарабатывать деньги и... пойти дальше. Я, слава богу, всегда был востребованным — и этим воспользовался.

— Что значит востребован?

— А то и значит: я востребован во всех городах, во всех странах. То время "ухода", про которое ты говоришь, — это было время сумасшедшей работы: сначала я готовился к чемпионату Европы (имеется в виду чемпионат по парикмахерскому искусству, — В.С.), выиграл его, стал абсолютным чемпионом Европы. Потом готовился на мир (имеется в виду самый престижный кубок — чемпионат мира по парикмахерскому искусству, — В.С.), стал абсолютным чемпионом мира. Затем готовился к открытию своего салона, а параллельно ездил и гастролировал (на языке профессионалов "гастроли" означает фэшн-шоу и мастер-классы, — В.С.) по разным городам — только за один год у меня было 30 городов и здесь, и за рубежом. Я деньги зарабатывал — как это ни банально. Потому что я хотел открыть свой салон.

Но когда я вернулся с чемпионата мира, я понял, что своей стране абсолютно не нужен. Я пришел: в стране кризис, все, как крысы, по норам, все разбежались... За первые месяцы мне даже никто не позвонил, не спросил: а жив ли ты, Сергей, здоров ли? Ни коллеги, ни друзья, ни клиенты. Все были заняты своими деньгами. Только зарубежная пресса писала про русские победы на чемпионатах, а сами русские — деньги спасали. А ты знаешь, что такое быть абсолютным чемпионом? Это значит взять в пяти странах пять Гран-при — а в каждой стране по три работы, и за каждую работу нужно тоже получить Гран-при... Совсем другое — просто чемпион: в одной стране, один конкурс, одна победа. Разницу чувствуешь? Поэтому я без всякого самообожания говорю тебе: аналогов моим победам нет. Но мои победы моей стране оказались не нужны.

Вон у меня под квартирой — подвал, где раньше была столярная мастерская и где теперь разные бомжи собираются. Я хожу прошу: отдайте мне этот подвал, я — художник, я имею право на мастерскую, я не буду там открывать салон и парикмахерскую, я там рисовать буду, мне этот подвал нужен хотя бы для того, чтобы никто ничего не поджег под моей квартирой. И что? "Звезда?! Зверев?! Пошел ты на х...!" И так постоянно. Вывод: я своей стране не нужен. Хотя я по-прежнему гражданин России и не уехал отсюда, как это сделали многие многоуважаемые коллеги: они ненавидят эту страну и правительством, вот и валят. Ни один же не вернулся, все живут довольные. Я же в этой стране — бесплатно обучаю, помогаю детдомом, школам, я болею за нее...

— Сереж, у меня такое чувство, что ты пережил какое-то потрясение.

— Да не то что потрясение, но я действительно пережил депрессию. Разочарование. Я понял до конца смысл пословицы "С волками жить — по-волчьи выть". Эти месяцы пустоты после победы были переломным моментом. Я сидел и думал: как же так — я дал стране победу, а она обо мне забыла? Теперь, конечно, будут чемпионы — все пойдут проторенной дорожкой, это нормально. Мне повезло, что у меня такой характер: я привык все делать сам и быть первым. Мне все равно теперь, что и кто после меня. Ты вот говоришь, что я сижу в заднице, но сегодня, чтобы так о тебе не говорили, нужно одно: чтобы о тебе постоянно какую-нибудь грязь писали — вот это читабельно, тут даже работать не нужно. Кому же интересно читать, как я работаю и что делаю? Скажешь, я не прав?..

— А что ты так заводишься? Если ты уверен в себе, работы навалом, — зачем сейчас сидеть, размахивать руками и возмущаться? Ты открыл свой салон, переосмыслил жизнь, переоценил ценности, нашел новые приоритеты — что же тебя тогда задевает?

— То, что меня не оставляют в покое до сих пор: какие-то слухи, какая-то порнуха-чернуха... Даже снимаются предлагают в каком-то непотребном виде!

— Сереж, ты меня, конечно, извини, но если ты говоришь о клипах и кино — зачем тебе нужно в них сниматься? Ты хочешь и публичный человек, но ведь не актер и не модель. Ты ведь стилист и дизайнер и заниматься должен все-таки своим делом, а?

— Я тебе не про то, что я снимаюсь, говорю, а про то, что предлагаю! Зачем, спрашивается, мне, стилисту и дизайнеру, предлагать сниматься как актеру?!

— Возьми и ответь сейчас всем. И тем, кто предлагает, и тем, кто считает тебя "потерянным".

— Я не буду ничего доказывать. Четыре года назад, многое переосмыслив, я нашел в себе силы пойти дальше. Заниматься своим делом. У меня остались верные клиенты — они ведь все до одного остались со мной.

— Что же тогда говорят, что от тебя многие отвернулись: Варум, Свиридова, Понаровская?.. Говорят, что отвернулись потому, что в

Он ушел в небытие, Сергей Зверев. Когда ж это было? Года четыре назад? Лет пять? Он был везде, и его было слишком много. А потом он ушел в небытие. И наша нежная дружба тоже как-то так тихо ушла в небытие. Оставались только ни к чему не обязывающие приветствия через третьи руки. Так сколько же с тех пор прошло времени?

— Проект — это не мое слово, просто это теперь такое модное слово. Конечно, Понаровская была моей музой.

— Это правда, что когда ты, юный талант, приехал в Москву без копейки и ночевал из-за бедности в жутко модном тогда салоне "Женьшень", где ты днем работал, — уже тогда ты работал с Понаровской, но она тебя ото всех прятала и не говорила, что ее "делает", а однажды даже призналась: "Мне легче потерять фонограмму, чем Зверева".

— Во всяком случае, такого, чтобы кто-то пришел тогда и сказал: "Я от Ирины Витальевны" — не было. Мы с ней очень замкнуто работали, я никогда не выходил из ее примерки, но я ей безумно благодарен. Потому что в тот период жизни, кроме нее, ничего и никого у меня не было. Моя мама жила в другом городе, брат мой умер, а рядом — ни души. Ира мне тогда заменила всех. Знает она об этом или нет, но я жил ею одной. Я этого и не скрываю. Пять минут не проходило, чтобы я о ней не заговорил или не вспомнил ее — она была моя жизнь, и кроме нее я ничего не слышал и не хотел слышать. И я до сих пор ее люблю и всю жизнь буду благодарить ее за все, что она для меня сделала. Именно она заставила меня себя уважать: "У тебя бриллиантовые руки, и ты должен понять это", — говорила она мне. А потом она меня всегда поддерживала — даже когда у меня уже были клиенты и успех: она могла приехать ко мне в салон перед чемпионатом минут на 15–20, чтобы просто сказать какие-нибудь ободряющие слова.

— Что же случилось, почему вы расстались?

— Случилось однажды так, что, когда я начал готовиться к чемпионату мира, Ире предложили гастроли в Америке. И я не смог поехать с ней. Я ее подвел с этой Америкой дурацкой. И я ужасно жалею: мне Ира очень не хватала. Мне иногда кажется, что любить ее такой, какая она есть, могу только я.

— Даже Гурченко ее не заменила?

— Понимаешь, у меня всегда была муза, на каждом творческом этапе. Муза, в которую я влюблялся, без которой я не мог жить, которая давала мне стимул. И каждой из них я благодарен. А сегодня, наверное, счастливее меня на земле никого нет, потому что работать с Гурченко — это великое счастье.

— Что же нужно такое сделать, чтобы стать твоей музой: заработать популярность, иметь много денег или состариться, чтобы потом мастер собрал тебя по частям?

— Ты на кого намекаешь?..

— Ни на кого, это вопрос такой.

— Я не могу на него ответить. Это необъяснимо.

— Скажи, а вот взять, к примеру, Людмилу Марковну, лицо которой ты теперь, наверное, знаешь в мельчайших подробностях, — правда, что она делает себе одну пластическую операцию за другой?

— Послушай, Людмила Марковна находится в такой форме, что ни одной 20-летней актриске с коммерческой внешностью не снится: тут речь даже не о внешности, а вообще о форме. Нужно прожить ту жизнь, которую она прожила, испытать то, что она испытала, быть там, где она была, и увидеть то, что она видела. Когда я начинал с Людмилей Марковной, я пригласил ее к себе домой, мы сделали "пробы" — лицо, волосы... И, пока мы работали, она мне рассказывала сюжет, сценарий, свой текст — все в красках. И я обалдел: я представил себе такой спектакль! Но когда я пришел на пре-

— Да ты знаешь, если жены политиков или сами женщины-политики обслуживаются у какого-то мастера, это совсем не значит, что он — лучший мастер в мире. Мне — честно — совершенно все равно, с какой женщиной я работаю. Известные женщины никак не повышают положение в обществе или мой профессиональный статус, нет. И я с таким же удовольствием работаю даже с самыми простыми женщинами "с улицы". Вообще, отношения мастера и клиентки складываются не из статуса клиента и его положения в обществе. Иногда с самыми известными женщинами работать легче и проще, чем с "простыми" людьми. Все вон думают, что Алла Борисовна такая, что с ней поладить просто невозможно, но ведь это абсолютно не так: какой пафос, какие капризы?! Она профессионал, а все остальное — шелуха. Часта так: чем статус выше, тем люди проще и доступнее.

— Ага, например, Людмила Путина!

— Ты напрасно иронизируешь. Мы с ней познакомились на юбилее Вячеслава Михайловича Зайцева, и у меня совершенно поменялось о ней представление. И я тебе скажу: она — настоящая женщина, безо всяких амбиций и таких "тараканов" звездных.

— Интересно, греет ли еще тщеславие человека, прошедшего через огонь, воду и медные трубы? Когда-то юное дарование приехало покорять Москву, а сегодня оно общается с самыми красивыми (известными, богатыми, популярными, умными, деловыми) женщинами...

— Не было бы того юного мальчика — не было бы меня сегодняшнего. Я работал, работаю и буду работать — мне кроме работы сейчас ничего не нужно, и я уже не думаю о тщеславии.

— Тебе не кажется, что только сейчас ты начал заниматься делом?

— Что ты имеешь в виду?

— То, что раньше тебя было слишком много.

— Меня было не слишком много — просто тогда стилистов было мало, жизнь была другая, страна другая, журналистика только-только открывала фэшн-биз. И я тоже был другой. Просто раньше я занимался одной стороной своей профессии, а сейчас полностью сконцентрировался на творчестве, на другой стороне медали.

— Откуда взялись сегодня в таком количестве стилисты и дизайнеры? Ну ладно, Тодчук, Шевчук — это твои ученики, а остальные? Которые теперь называют себя асами и профессионалами?

— Понимаешь, профессионалы всегда были, но профессия эта не имела раньше такого статуса, и когда началась мода на нее и все стали о ней говорить — несколько человек оказались первыми. И я в их числе. Но сейчас профессионалы продолжают заниматься своим делом, а остальные по-прежнему "светятся". Слава богу, что у меня четыре года назад была возможность уйти от публичной жизни: я за это время очень много успел, у меня появилось время на творчество и на моего сына.

— Как он появился в твоей жизни? Я слышала столько версий: "от манекенщицы, которая умерла", "он его усыновил" и т.д. Просто он появился в твоей жизни так неожиданно, ты же никогда раньше о нем не говорил...

— А у меня есть в жизни еще очень много неожиданных вещей, о которых никто не знает и о которых никому знать не нужно. Шоу-бизнес, конечно, требует подробностей, но я не хочу подробностей. Мне все равно, что говорят о моей личной жизни. Другое дело, чтобы это не причиняло боль моим близким и моему сыну.

— Но это твой родной сын?

— Да, это мой родной сын. И я не хочу больше возвращаться к этой теме. То, что знаю я, чем живу я, кроме меня и моих близких больше никого не должно касаться. Я не хочу никому ничего доказывать. Хотя вот пример свежий, почему я не хочу никому ничего объяснять. Я был с Сергеем на "Овации", проходим в зал, а рядом — женщина знакомая: "Привет, Сереж, давно тебя не видел! А это тот мальчик, которого ты усыновил?..". Хорошо, что вокруг было много народу, иначе бы я с нее скальп снял.

Нет, ну подумай же головой! Да даже если я его усыновил, зачем при ребенке такое говорить?! Ты ж Бога бойся! И проплати свой язык, засунь его в жопу, не знаю куда еще! Ну если ты хочешь знать, любопытная ты такая, — да отведи ты меня в сторону и спроси! И я, может быть, тебе отвечу!..

Ты знаешь, у меня такое ощущение, что люди стали какие-то обезвоженные, и эта обезвоженность во всем: в жизни, в профессии, в политике... У людей же в жизни ничего святого нет — либо трахи, либо деньги; вон посмотри на политиков: что ни политик — на лбу бегущей строккой: "Ворюга! Ворюга!" Даже челкой не прикроешь — да одень ты тогда кепку!.. Да если бы у меня была возможность, я бы пятерых усыновил!

У меня ребенок — золото. Он такой эмоциональный, такой чувствительный, такой музыкальный! Я недавно проснулся в семь утра от того, что кто-то играет на гармошке — бездарно совершенно. Я встал и пошел по квартире, чтобы понять, у кого из соседей в семь утра такое творится. Дохожу до туалета, открываю дверь и вижу: сидит на унитаже мой ребенок и играет на гармошке — трусы спущены, а он сидит довольный и наяривает! Представляешь — ему же некогда в туалет сходить: он начинает свою музыкальную композицию и между делом делает свои дела... Ты знаешь, он у меня... Он как ангел. Его все обожают, он купается в любви — моей, своей бабушки...

— Как она, твоя мама?

— Слава богу, у нее все хорошо. Она вся во мне, вся в ребенке. Только времени у нее не хватает, потому что никто лучше матери не сделает лучше для нас. Если бы не она, я бы не стал тем, кем стал. Ты знаешь, у меня с ней за последние годы изменились отношения: она стала терпимее к тому безумию, которое меня окружает, и я, может быть, стал терпимее.

— Ты сам очень изменился.

— Я не изменился — в том-то и дело, что я остался тем же мальчиком из салона "Женьшень". Просто я вырос. И за последние годы я вырос не только профессионально, но и жизненно. Нет больше розовых очков.

— А женщины вокруг тебя изменились? Вон посмотри, идет за окном... вон видишь обыкновенную нашу русскую тетку? Она сейчас и она лет пять назад — какова разница, на твой профессиональный взгляд?

— Ты знаешь, сегодня я всех женщин делю на три категории: Ей далеко до хорошей жизни, у нее есть надежда и она начала дышать и быть Женщиной. Она среднестатистическая русская женщина до сих пор легко узнава за границей — как ты ее ни накрай, как ни прищипи, как ни одень. Но она в этом не виновата — она просто носит отпечаток той жизни, которую прожила, и отпечаток сегодняшней, новой жизни. Это не стирается. Да, наша женщина очень любит кудельки и перигидроль — но она же целый день корчится и добывает деньги, и если у нее не будет этих вот кудельков, так она вообще будет с тремя волосками. И что ты тут ни делай, ничего не поможет. Пока условия жизни для женщины не поменяются, она не поменяется сама. Но что меня радует, так это молодость: приди сейчас в какой-нибудь клуб — у тебя глаза разбегутся от количества красивых людей. Потому что женщина только-только начала открывать в себе Женщину. Она преобразажается, она становится стильной, она меняет свою психологию. Клянусь! Я уже не тот воздушный крем-брюле, утонченный мальчик в розовых очках, и я научился смотреть на мир трезвым взглядом. Но от того мой оптимизм не кажется утопией.

свое время на них у тебя не было времени. Когда? А тогда, когда вокруг был Зверев, Зверев, Зверев, и сам Зверев возмнил себя мегазвездой, и у него не оказалось времени на некогда любимых и преданных клиентов.

— Это не так. Я раньше делал многое неправильно: ну нельзя вести одного человека всю жизнь и уделять ему столько внимания — артистов очень много, и невозможно выделять из всей этой армии звезд только одного-двух, и быть им преданным, и бросать все дела и других клиентов, когда звезда звонит тебе и говорит: "Сергей, у меня через час съемка, ты мне нужен". Раньше я бросал все и ехал, но потом я понял, что так нельзя. Нельзя вести один проект, нельзя закликиваться на одной звезде. И звезде нельзя закликиваться на одном мастере, иначе этот шаг назад. Вот ты говоришь о Понаровской — а я ведь вел ее столько лет!..

— Тем не менее у тебя сейчас начался творческий роман с Гурченко.

— Это не роман. Это — муза.

— Значит, Понаровская — проект, а Гурченко — муза?

мьеру, на спектакль, увидел на сцене жуткий зеленый холодильник, увидел жуткую сцену и подумал: "Я опять попал. Ну зачем же я пришел на это говно? Как же это я опять выпался?..". Я, как дурак, с огромным букетом, чувствую себя каким-то козлом — сижу пять минут, и эти пять минут... Я их еле пережил, ведь я думал, что мне сидеть еще два часа. И тут появляется ОНА. И я обо всем забыл. Я так переживал! Я плакал, смеялся, я был весь мокрый, меня просто парализовало. У меня этот букет уже упал на пол, я уже ногами по нему топчусь — но я ничего и никого не вижу, кроме НЕЕ. Я пережил какое-то потрясение. Она подарила мне новый мир — мир театра, новые краски, новую фантазию. Я приехал домой и позвонил ночью — трубку взял Сергей, ее муж. И тут я выкладываю: "Вот хочешь, — говорю, — меня убивай, но мне нужно все тебе сказать. Хотя я знаю, что вас, наверное, уже все достали, но я не в состоянии заснуть после того, что увидел". И пере-сказываю все, что я чувствую. А он мне отвечает: "Да ты первый звонишь!"

Ты спрашиваешь, что нужно сделать, чтобы быть моей музой? А я тебе скажу: ни деньги, ни слава — только внутренняя энергетика. Актрисам по сути профессии нужно всегда выгибать, но тут ведь речь идет не столько об этом... Это не объяснять на словах: нужно чувствовать мощь человека.

— Тебе не тяжело работать в окружении известных женщин? И как ты делишь между ними любовь?

— А я ничего не делю — я со всеми такой, какой я есть.

— Даже если они не твоего поля ягоды? Ну вот вспомни: однажды я пришла к тебе в салон, в VIP-зал на два кресла, плюхнулась в левое, а в правом оказалась Наина Ельцина. Потом, я знаю, ты работал с ее дочерью. Это же другой колорит, чем твои привычные "шоу-бизнесовые" клиентки вроде аленьких апиных или герфрендных новых русских...

Вика САРЫКИНА.